

Данияр Каримов

БОЕВОЙ ДЖИНН

Цикл фантастических рассказов

Данияр Каримов Боевой джинн. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24118272

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2588-9

Аннотация

Может ли пришелец использовать раба лампы? Конечно! В мире, где гном выступает секретным агентом внеземных колоний, эльфы проводят орбитальную бомбардировку Терры, Дед Мороз прячется в Великом Устюге от космопола за импорт запрещенных технологий, а Кощей мечтает о том, что покинет варварское Средневековье и вернется к научной работе в далеком будущем вместе с Бабой Ягой, возможно все. Жили ли джинны на Марсе, "архангелы" – на инопланетной пустоши, а циклопы – после ядерного Армагеддона? Ищите ответы внутри – в рассказах, вошедших в цикл "Боевой джинн".

Содержание

Содержание	4
Форс-мажор	5
Браконьер	20
Фигли под горой	41
Дубина	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Боевой джинн

Содержание

Форс-мажор

Браконьер

Фигли под горой

Дубина

Боевой джинн (Штучный товар)

Бутылка

Гномы, эльфы, драконы, скафандр

Экзорцист

Архангел Гена

Когда ушли боги

Последнее испытание

Dead Morose

Вакцина вечности

Форс-мажор

С печи слышался залиvistый храп. Баба-яга досадливо поморщила нос и сменила асану. Кощей, думалось ей, специально ужрался, чтобы остаться. Надо было всучить его на поруки Горынычу, тот бы бессмертного дистрофика до дома и подбросил. Но нет, сыграла в Яге глупая бабья жалость. Сколько раз, казалось, зарекалась: себя жалеть надо, себя. Знала ведь, что Кощей, когда все разойдутся, искать ласки полезет. Сам с ног валится, но, поди ж ка, ухажер! Тьфу! Теперь вот терпи. Домогательства терпи, храп этот, перегар на всю избу да похмелье Кощеево. Проснется, гад, и стонать примется: рассольчику, мол, иначе как есть помру. Помрет он, Бессмертный. Было уж, касатик, проходили.

Зарекалась Яга у себя в избе нечисть собирать, да и на старуху найдется проруха. Был повод, и повод грустный, трагичный. Поминали Лешего, ушедшего накануне. Старик покинул бранный мир из-за слабого сердца, к которому все принимал очень близко, а особо – людское отношение. Очень лесовик переживал, что боятся его селяне до чертиков, детишек им пугают. Чем не устроил? Не обижал никого, грибников домой выводил, медведей от деревень отгонял, а вместо благодарности – облава. С собаками в лес пошли и пред-рассудками, как на зверя. От обиды жгучей хватил Лешего удар. Ведь Леший и не Леший был, а профессор эксперимен-

тальной истории, и Яга, которая отвечала в экспедиционной команде за медицину, спасти не смогла. Инфаркт травами не залечишь.

– Истерзали, ироды, – между чарками давился давеча Кощей слезами. Бессмертный раскис. И где ж тот жесткий и, временами, бессердечный руководитель этнографической экспедиции? Наверное, остался в будущем, в просторной и светлой аудитории Института непечатной истории, суеверному руководству которого не давал покоя сказочный фольклор. Терзаясь им хронически, начальственная воля отсылала сотрудников вглубь тысячелетий целыми партиями.

– Какой человек был! Человечище! Гуманист! А они? Нелюди! Быдло темное! А Русалку, помните? Русалку-то нашу! В клеть, да на солнце! Мешала она им, понимаешь! Чему в омутах мешать? Кому? Нырять не давала? Каким идиотом быть нужно, чтобы в омут с головой? Им не понять, что миссия у русалки важная: дураков отпугивать, дабы не лезли куда попало! У девки от унижений крыша набекрень. Что мне с ней делать?! Что я мужу ее по возвращению скажу?! Извини, мол, не доглядел! Не знал, что психика у твоей супружницы слаба.

Нечисть кивала, да горькую под монолог Кошеев пила. Потом Горыныч, молча опрокинув в себя еще одну чарку, встал и вышел. Вернулся на закате, пропахший гарью. Спалил мститель турбореактивный пару деревень, чтоб, значит, знали, как лесовиков уничтожать. Попер герой на дикарей

с напалмом. Ему бы выговор строгий, но Кощей за подвиги летные Горыныча в маковку поцеловал да полную чарку поднес. Свою фирменную, с грибными ингредиентами. Кощей ведь до командировки на Русь химиком был.

После той чарки поплыл Горыныч, сопли размазал, и признался, что в ярости необузданной не только избы пожар, но и самолетик казенный загубил. Зацепил, говорит, крылом за сосну, и на поле пшеничное рухнул. Хорошо, катапультироваться успел. Технику, конечно, уничтожил, чтобы, не приведи Господь, следов не осталось, а потом долго в лесу плутал, все запасной ангар сыскать не мог, и подсказать дорогу некому – Лешего ведь не стало.

– Это война на выживание! – рычал пьяный Горыныч. Кощей на его плече пускал слюну. Кикимора, рыдая, кивала, а потом хлопнула по столу ладошкой, да песню тоскливую затянула. Что-то блюзовое, на разрыв, с тоской смертной. Слушала Яга, смотрела, да головой сокрушенно качала. Ситуация выходила из-под контроля. Безвозвратные потери в личном составе этнографической экспедиции росли, и компенсировать их Институт непечатной истории не мог. Далеко был Институт – в далеком будущем, и связи с ним никакой. Не придумали еще, как сквозь временной континуум коммуникации протянуть. К счастью, контракт скоро заканчивается, и на Русь прибудет новая экспедиция. Пусть разгребают, а с Яги хватит. Она продлевать договор с Институтом не собиралась. Хватит, думалось ей, глупостей с изыскания-

ми. Не Яга она никакая, а Яна, иногда Яночка, а для близких – Януля. Страшно на Руси, а она все же молодая женщина, хоть и скрывается порой под безобразной личиной противной старухи. Ей жить нужно, замуж выйти, детей нарожать. Не бабье дело с селянами да богатырями тягаться.

Яга забросила ножку за голову и закрыла глаза, пытаясь очистить сознание от негативных мыслей, но безуспешно. Храп Кашея мешал сосредоточиться. Яга вздохнула, распутала конечности и тихо вышла в сени, где провела ручкой по запылившейся ступе с антигравом и спустила лестницу. На ночь Яна всегда поднимала избу на «куриные ножки» – так она про себя выдвижные опоры называла. Над землей ей спалось спокойней.

Светало, и в лесу пели невидимые птахи. В воздухе пахло свежестью и цветами. Яга улыбнулась и еле заметной тропкой вышла через перелесок к мелкой и тихой безымянной речке, скинула с себя тряпье вместе с дряблой личиной старушечьей, и перед тем, как зайти в воду, полюбовалась отражением. Стройная, красивая, хоть сей же час под венец, и, поди ж ты, – Яга! Засмеявшись мыслям, она забежала в воду, поднимая брызги и распугивая юрких мальков.

Водные процедуры были эффективней йоги. Голова стала ясной, тело налилось энергией. Поплавав в тихой заводи, Яна вышла на берег и присела на камушек, расчесывая волосы.

– Здравствуй, красна девица!

Яна вскрикнула от неожиданности и обернулась. У воды стоял рослый парень в кольчуге. Он улыбался в русую бороду. Недалеко мирно пощипывал травку гнедой скакун. Яна мысленно отругала себя за беспечность. Не визжала бы в воде, услышала б топот копыт. Воин переступил с ноги на ногу.

– Не бойся меня, красавица. Не обижу.

– А я и не боюсь, – сказала Яна. – Пуганая. Чего тебе, добрый молодец?

– Иван я.

– Дурак?

– Почему сразу дурак?

– Потому что глазеешь. Совсем стыд потерял. Отвернись, окаянный, мне одеться надо.

– А если не отвернусь?

– Креста на тебе нет.

– Ладно, – сказал Иван и нехотя развернулся спиной. Яна накинула на себя бабкино тряпье, но обращаться в старуху не стала. То, с каким восхищением смотрел на нее Иван, ей льстило. Она поправила юбку, собрала волосы и спросила:

– Что в глуши ищешь, добрый молодец?

– Подвиги ратные, – молвил Иван. – Удадь молодецкую хочу показать.

– Кому ты в лесу удадь собрался показывать, экстремал?

– Не понял, – Иван едва повернул голову, но встать лицом к Яге не решался.

– Еще бы, – хмыкнула Яга. – Можешь развернуться, я оде-

лась.

Воин выполнил команду не без удовольствия. Яга поймала себя на мысли, что переживает давно забытые ощущения. Она смущалась и чувствовала, как вспыхнули ее щеки. Иван и впрямь выглядел удалым молодцом. Открытый прямой взгляд, статный и сильный мужчина. Немного простоват, судя по всему, но кто без изъяна? В далеком будущем парень пользовался бы большим успехом, и Яга непременно не упустила бы возможности сходить с ним на свидание. А сейчас... Чертово средневековье!

– Так кто ты, красна девица? – спросил Иван.

– Марья-кудесница, – сымпровизировала Яга.

– А в глуши что делаешь? – поинтересовался Иван.

– Травы приворотные собираю, – засмеялась Яга. – Хочешь, и тебя приворожу?

– Не надобно меня, – смутился Иван. – Ты меня уже приворожила.

– Не торопись с выводами, удалец, – сказала Яга. – Ты меня в первый раз видишь. Да и я тебя – тоже.

– А мне и этого достаточно, Марья, – выдохнул воин и, шагнув к Яне, схватил ее за руку. – Коль свободно сердечко твое, будь мне суженой. А ежели не свободно, сестрицей милою.

– Больно скор ты! – Яна нахмурилась и вырвала руку. – Прощай. Мне пора!

– Позволь, хоть провожу тебя!

– И думать не смей!

– Вот так картина маслом! – Кощей не был бы Кощеем, если бы не появился в самый неудобный момент. Сидел, по-ди, в камышах, подглядывал, да подслушивал. Яна в досаде закусила губку.

Кощей закашлялся. Зеленоватый цвет одутловатой с похмелья физиономии только добавлял ему антуража. Нечисть, как есть. Отталкивающая, несколько жалкая, но от этого не менее пугающая.

– Это что за рататуй? Что за любовь с первого взгляда?

– Ты что за чудо-юдо? – молодец потянул из ножен меч.

– Ты мечишко-то убери, мальчик, – Кощей злобно сверкнул глазами. Взревновал Бессмертный и скрывать того не думал. – В жабу превращу, моргнуть не успеешь.

Иван побагровел и, обнажив меч, занес над Кощеем. Яна взвизгнула, не понимая, за кого ей страшно больше. Удалец собой хорош, но ей не пара, а Кощей хоть и противный, но свой. Однако испугаться по-настоящему Яна не успела. Меч опустился и со звоном отскочил, не причинив Кошеем видимого вреда – Бессмертный был игроком предусмотрительным и загодя активировал силовую защиту. Добрый молодец уронил челюсть, но упасть низко она не успела, встретившись с кулаком противника. Иван рухнул оземь. С классическим апперкотом воин доселе знаком не был.

– Щенок, – процедил Кощей, вытащил из-за спины меч и занес над поверженным противником. – Молись, покуда я

тебе кишки не выпустил. Исход твой, супостат, печален!

– Пощади, – взмолился Иван, и одного слова его оказалось достаточно, чтобы глаза Яны потухли. Воин не вызывал боле у ней ничего, кроме брезгливости и разочарования. Нет ничего отвратительней испуганного мужчины.

– Отстань от него, Кощей, – сказала она. – Не бери греха.

– Скажи спасибо даме, Ваня, – прошипел Кощей. – Что глазками моргаешь? Дуй отсюда, пока не сожрал, а то от духа твоего в носу свербит!

– Б-благодарствую! – Иван вскочил на коня и галопом помчался в лес. Он не оглядывался.

В избу Яна возвращалась под конвоем Кощея. Тот распекал ее за беспечность и грозил написать по возвращению в институт разгромную докладную. Яна молчала, думая о своем. Там, в будущем, ей казалось, что мужчины измельчали и виновата в этом цивилизация, уравнившая оба пола не только в правах, но и в изнеженности. А настоящую отвагу, как оказалось, и в прошлом не часто встретишь.

Тягучие мысли тянулись патокой, как пасмурный день. Погода за окном избы испортилась. Небо затянуло серыми низкими тучами и, казалось, что тяжелая от влаги пелена вот-вот зацепит верхушки сосен. Кощей ушел, обещав вернуться ближе к ночи. Он собирался забрать Ягу в свои чертоги, утверждая, что находится одной ей боле небезопасно. Яна послушно кивнула и закрыла за ним дверь. Потом прилетел Горыныч. Змий каялся в уничтожении деревень и ис-

кал утешения. Яга напоила его успокаивающим отваром и отослала к Кикиморе, которая, попутно, работала в экспедиции штатным психологом. Змий мог бы и сам догадаться к ней слетать, но, наверное, просто хотел выговориться. К Кикиморе Горыныч так и не появился.

Яна открыла календарь и зачеркнула крестиком еще один день. До возвращения домой оставалась неделя, но ей представлялось, что на Руси ей суждено провести вечность. И все бы ничего, как бы не опостылевшая компания коллег, лучших из которых забрало себе мрачное средневековье. И как оно ей когда-то могло нравиться?

– Марья! Марья!

Яна осторожно отодвинула занавеску. Под окном избы стоял давешний удалец, трусливо сбежавший от Кошея. Принесла нелегкая! Нашел ведь... Яна нацепила старушечью образину и выглянула в окно.

– Чую, чую, русским духом пахнет!– прокаркала она. – Кого нелегкая принесла?

Иван под окном даже съежился немного. Не ожидал красавец, что вместо любви Яга выглянет. Но вида бравого удалец не потерял, и даже нахрапистости прибавил.

– Я не к тебе, старая карга! – крикнул он.

– Фи, как грубо, – сказала Яга. – А че приперси?

– Ты, бабка, сначала молодца напои, накорми, а уж потом спрашивай! – Иван подбоченился.

– Мож еще что, сердешный? Ты уж сразу весь райдер

озвучь, чтобы сюрпризом что не стало.

– Непонятны мне речи твои, Яга! – Иван тряхнул кудрями. «Дубина», – подумала Яна, но сама улыбнулась.

– Да ты не обращай внимания, милай. Стара совсем. Заговариваться стала.

– Ладно, бабуля, буду честен с тобой! – решился Иван. – За суженой пришел. За Марьей-кудесницей!

– Нет у меня Марьи, – притворно вздохнула Яна. – Кощей забрал!

– Что же мне делать? – опустил голову Иван.

– Смерть Кощееву искать, дуралей, – съязвила Яга. – В яйце. А яйцо то в ларце. Сказок не слыхал?

– Так то ж сказки. А настоящий Кощей, поди, бессмертный.

– Ну и возвращайся домой без Марьи, – отрезала Яга. – И матьчасть подучи по смертушке Кошеевой. А сюда приходите не смей, и дорогу забудь! Разгулялись тут добры молодцы, покоя старухе не дают. Совсем страх потеряли!

Яна спряталась за занавеску, откуда наблюдала за тем, как Иван, понутив голову, взял под уздцы коня верного, да поплелся в лес. Ей даже стало горе-ухажера немного жалко, но она быстро отогнала от себя эти мысли. Прав был Кощей. Не достоин ее Иван. Дурак ведь, хоть и не признается.

Кощей – легок на помине – нарисовался на пороге избы с букетом полевых цветов. И непонятно было, то ли он их Яне хочет подарить, то ли возложить к столу – за долгие чудесные

вечера. Душой Бессмертный был радостен, но похмельным челом – в печали, всем видом показывая, что забирает Ягу не по прихоти своей, а исключительно по служебной необходимости. Играл он отвратительно, и Яне думалось, что из театра такого бы метлами погнали, а потом бы и сцену святой водой окропили – чтоб никогда не возвращался. Для вида она пофыркала, но быстро покидала в рюкзак нужные вещи и активировала в избе электронный замок. Проникнуть в жилище теперь можно было лишь по кодовой фразе.

– По щучьему велению, – сказала Яна избе, ломая сказочные стереотипы. Изба качнулась, поднялась высоко на опорах, и закрыла намертво ставни и дверь. Взломать ее мог только лазерный резак, каковым на Руси еще не обзавелись.

Послышался свист. У бабьей избушки приземлился Горыныч.

– Карета подана, господа пассажиры. Употреблять спиртные напитки на борту можно и нужно, но только купленные в нашем дьюти фри.

– Хохмач напалмовый, – съязвил Кощей. – Что у тебя, кроме спирта, есть?

– Мед, – заулыбался Горыныч.

– Никак пасеку спалил, окаянный? – спросила Яна.

– Никак нет, многоуважаемая Яга, – отвечивал Змий. – Нашел. У деревеньки, над которой пролетал, и нашел. Честное слово – ящером клянусь.

– Мародер, – сказал Яна.

– Старушенция! – парировал Горыныч.

– Хватит вам, – простонал Кощей. – У меня голова трещит. Давай, Горыныч, медовуху.

– Пить меньше надо, – напомнила Яна.

– Или похмеляться правильно, – не согласился с ней Горыныч и подмигнул Кощей. Раз, мол, я Змий, то чем не искушитель?

– Тьфу на вас, – сказал Кощей и приложился к протянутому Змием бутылю. Искушение опохмельем было ему не по силам. – Отчаливаем.

В полете Горыныч беззлобно переругивался с Ягой, и им было весело, а Кощей, все еще бледненький с перепоя, зверел. Он плевался и ругался матом – много, искренне, сочно, многоэтажно. Яна даже заслушалась. Не став историком, Кощей нашел бы себя в филологии, уж больно хорошо излагал подлец свои мысли. Но по мере наполнения бессмертного организма нектаром и он повеселел, и к чертогам на старую закваску прибыл в прекрасном расположении духа.

– А не испить ли нам кофею в тесной компании? – подмигнул он.

– Если от крепкого, не откажусь, – сказал Горыныч. – Чтоб градус был не меньше сорока.

– Мальчики уходят в запой? – спросила Яна.

Горыныч картинно приложил руку к груди.

– Я, конечно, огнедышащий, но трубы и у меня горят. С утра за штурвалом – без допинга и излечения. Смилуйся,

бабулька. У нас форс-мажор.

– Бог с вами, касатики, – сказала она.

– Компанию составишь? – спросил Горыныч.

– Кикиморе своей предложи, – Яна помахала мужчинам ручкой и, закрывшись в выделенной комнате, прилегла на кровать, где незаметно провалилась в сон. Привиделось ей, будто чертоги Кошечевы осадили войска, и вел их давешний удалец. Только вместо глаз у Ивана горели злобно огнем два угля. Под ударами палиц пал Кощей, лучники сбили Горыныча, и он сгорел, ударившись оземь. По бранному полю бегала со страшным воем Кикимора, которую преследовали пехотинцы в шишаках.

Разбудил Яну шум. По чертогам топали ноги, слышался рокот Горыныча, повизгивания Кикиморы, и еще чей-то жалобный стон. Яна сразу и не поняла, что стонет Кощей. Она вскочила, и в следующий миг в дверь забарабанили.

– Яночка, открой! – умоляюще кричала за дверью Кикимора. – Беда!

Яна распахнула дверь.

Горыныч поддерживал Кощея. У Бессмертного закатывались глаза и подкашивались ноги, под которые на пол капала алая кровь.

– В медотсек тащи, – скомандовала Яна, чувствуя, как екнуло в груди. – Что случилось?

– Кощей спяну защиту включить забыл, и дурень этот его насквозь проткнул, – затараторил Горыныч. – Я как увидел

это, огнем паразита пугнул, и Кощея в чертоги потащил.

– Кто проткнул, когда? – вскрикнула Яна.

– Да ухажер твой, – встряла Кикимора. – Иван, ети его в кольчугу. Не знаю как, но он нашел чертоги и Кощея на бой вызвал.

– Почему вы мне ничего не сообщили?!

– Кощей сам хотел с ним разобраться, – сказал Горыныч.

– Дурак! – Яна содрала с Кощея рубаху. По ее щекам ка-
тились слезы. – Великовозрастный дурак! В Бессмертного
сыграть захотелось?

– Я по-мужски вышел поговорить, – просипел Кощей.

– Доволен беседой? – распалаясь Яна.

– Не истери, Яга, – встряла Кикимора. – Кровь останови,
а потом за мораль примешься.

Но потом читать мораль Яне уже не хотелось. Рана была
серьезной. Меч молодецкий задел внутренние органы, Ко-
щей потерял много крови и сознание. Яна жалела, что была
ненастоящей Бабой Ягой и магией не владела. Как было бы
чудесно поворожить, и поставить Кощея на ноги в мгновенье
ока. Но в чудеса Яна не верила, пока, много часов спустя,
хозяин чертогов не открыл глаза.

– Яна? – удивился он. Голос у него был тихий и слабый. –
Ты что здесь делаешь?

– За тебя переживаю, – улыбнулась она. Кощей захлопал
глазами, помолчал немного, думая о чем-то, потом вздохнул
еле слышно и сказал:

– Упертым твой Ваня оказался! Ты о таком мужике мечтала, да?

– Нет, – покачала головой Яна. – Мне хотелось найти мужчину.

– Нашла? – спросил он. Яна кивнула и нежно погладила его по небритой щеке.

– Нашла.

Браконьер

Не промахивается тот, у кого нет ружья.

– Достопочтимый советник, – браконьер Су почтительно склонил голову. – Зверь Хмо не просто редчайший, он крайне хитер и обладает магическими способностями: способен на левитацию, умеет пускать молнии, изменять свойства предметов, а некоторые считают его разумным. Добыча такого трофея сопряжена с большим риском!

– Цена не имеет значения, – советник раздраженно топнул. – Голова зверя есть в коллекции моего кузена, и он продемонстрировал ее Двору сюзерена. Я не могу позволить, чтобы какой-то полукровка утер мне нос. Добудь трофей, и я помогу получить официальную лицензию на охоту в угодьях сюзерена. А если голов будет три, замолвлю слово при Дворе. Я слышал, Су, ты давно хотел сменить сословие?

– Вы чрезвычайно милостивы, господин советник!

Жека клацал зубами, отбивая безнадежную дробь отчаяния. Причина его терзаний сейчас озлобленно щелкала челюстями и пускала голодную слюну на пару дрожащих человеческих ног. Вокруг валуна, оседланного Жекой, кружила свора клыкастых сиреневых тварей, не скрывавших плотоядных планов на инопланетный десерт. Зверям было совер-

шенно наплевать, что двуногий пришелец не вписывается в их пищевую цепочку и спустился с небес совсем не затем, чтобы разрешить сей парадокс.

Вояж на необитаемую планету, название которой Жека даже не удосужился запомнить, представлялся несколько иначе и значительно короче. Сесть у брошенной автоматам станции дальней связи, выяснить причину ее молчания и, возможно, заменить кое-какие блоки – ими каждый подобный объект в двойном комплекте обеспечен, хоть вторую станцию на месте собирай. Просто как на Луну слетать.

Верховный режиссер нежданно выбрал другой сценарий, и сейчас наверняка посмеивался в кулачок в паре с местным божком. Жека демонстративно выбросил в небо комбинацию из трех пальцев, подспудно надеясь, что за неприличный жест его тут же поразит молния. Но громовежец либо отвернулся, либо был до неприличия терпеливой сволочью.

Служебный челнок потерял основной тепловой щит, едва коснувшись плотных слоев атмосферы. Как это произошло, Жека выяснить не успел. Машина превратилась неуправляемый болид. Огненный шар с человеком внутри понесся с во-ем к поверхности, прожигая насквозь зазевавшиеся облака. Температура в отсеке быстро поднималась и Жека, оставив попытки вернуть контроль над кораблем, закрылся в спасательном модуле. Автоматика все еще билась в агонии, над-рывно взывая о помощи на всех доступных частотах, когда человека, не успевшего толком пристегнуться, вдавило в ло-

жемент. Перед тем, как разбиться, преданная машина успела исполнить последний долг, выплюнув капсулу с пассажиром.

Спасательный модуль плюхнулся в воду у пологого берега с широким пляжем, обрамленным крупными валунами. Справившись с головокружением, Жека открыл люк и осторожно выглянул наружу. Капсула неспешно покачивалась в черных волнах безымянного моря. За полосой голубоватого песка раскинулся широко океан сиреневых джунглей, над которым неспешно карабкалось вверх зеленое светило. Из глубин леса поднимался к зениту столб черного дыма, обозначающая место, где рухнул челнок.

Жека опустил голову и уперся взглядом в прелести томной длинноногой дивы, отливающей глянцем на опаленном солнцем пляже где-то очень далеко отсюда. Наклейка – то ли от жвачки, то ли от сладости, прилепленная на внутреннюю обшивку капсулы у самого люка неведь кем и неведь когда, уже блеклая и покрытая тонкой сетью микротрещин, казалась маленьким окошком в другой мир и сейчас воспринималась как издевательство. Странно, что он до сих пор ее не замечал. Цветное пятнышко на серой вертикали должно сразу бросаться в глаза. С другой стороны, когда он заглядывал в спасательный модуль? Несколько месяцев назад, когда принимал корабль на баланс. Он тяжело вздохнул и сверился с картой.

До станции он не долетел всего-то с десятков километров. Считай – повезло. Шагом часа два-три. Хорошо, что чел-

нок не рухнул на другой стороне континента, вот бы топать пришлось. Жека нырнул в капсулу и под ложементом нашел дверцу, закрывающую нишу, в которой должен был храниться контейнер со снаряжением для аварийных случаев. Сорвав пломбу, он извлек ящик и задумчиво взвесил его в руках. К его удивлению, стандартный комплект робинзона оказался весьма тяжел. Интересно, кто-то таскался с таким вот коробом по чужим планетам? Колесики хотя бы приделали, что ли.

Внутри ящика Жека обнаружил недельный запас питания, емкость с водой, бластер с запасным аккумулятором, термобелье, сигнальные ракеты, герметичную палатку и прочие крайне необходимые и столь же обременительные в пешем походе вещи. К черту! Прогулка обещала быть недолгой, а с таким грузом – разве что по дну. Подводный променад в планы Жеки не входил, и он, сунув за пояс бластер, вернул контейнер на место. В крайнем случае, за снаряжением всегда можно вернуться.

Подмигнув на прощанье красотке с наклейки, Жека опасно окунулся в чужие воды и обреченно погрел к суше. Лес – темный и незнакомый – пугал меньше мрачного черного моря, коварно баюкающего модуль. Как существо, не приспособленное к жизни в жидкой среде, Жека предпочитал чувствовать твердую почву под ногами или хотя бы видеть дно. Бездна страшней неизвестности.

Выбравшись на землю, Жека присел на песок, чтобы от-

дышаться. Заплыв в скафандре – занятие утомительное. Он содрал с себя шлем и отбросил в сторону. Воздух, как и обещал бортовой компьютер капсулы, был пригоден для дыхания. У ног тихо шуршала угольно черная вода, облизывая кромку берега. Мир, невольным заложником которого он стал, казался успокаивающе теплым, подозрительно тихим и безветренным. Однако первое впечатление было обманчивым.

Вода вокруг покинутого модуля забурлила, словно вскипая, а потом выбросила вверх длинные, отливающие глянцем щупальца. Они оплели капсулу и рывком утащили под воду. Жека испуганно вскочил и протер глаза. Модуля не было! Неведомый монстр утянул вглубь тяжелый аппарат, как если бы тот был пластиковым поплавком, вместе с красоткой и снаряжением. Что за чудище прячет чужое море?

Жека бросился в сторону леса. Инопланетные джунгли не внушали доверия, но под рукой был бластер, а с ним и в дремучий лес не страшно. Но не успел он пересечь и половину песчаной полосы, как из густых зарослей навстречу выскочила... Крыса?

Существо из леса и впрямь чем-то напоминало грызуна. Вытянутая узкая морда с бусинами красноватых глаз, длинный и отвратительный лысый хвост, мощные короткие лапы. Вот только размером тварь была с собаку. Жека не был силен в космозоологии, но клыки, когти и бугры мышц, перекачивающиеся под сиреневой, под стать джунглям, шкурой,

не оставлял ни малейших сомнений: представитель туземной фауны был хищным. Жека остановился и потянул оружие из кобуры. Замер и зверь. Он настороженно принюхивался к воздуху, в котором витал незнакомый, чуждый его миру запах.

Несколько мгновений человек и крыса смотрели друг другу в глаза, и этого краткого отрезка времени обоим хватило понять, кто является добычей. Зверь горланно взвыл и прыгнул. Жека попятился, зацепился за что-то пяткой и, уже падая в цепкие объятья паники, потянул спусковой крючок – скорее инстинктивно, чем осознанно.

Жека предпочитал тирам пивные бары и не отличался особой меткостью, но к своему немалому удивлению, свалил хищника первым же выстрелом навскидку. Не в силах поверить в удачу, он продолжал нажимать на спусковой крючок, пока не убедился, что развороченная туша не представляет опасности. В носу свербело от смрада паленой шерсти и обугленной плоти. Жеку вырвало. Из джунглей, тем временем, выбирались сородичи убитой твари – на запах крови и звуки расправы. Подавив приступ дурноты, Жека метнулся к ближайшему валуну. Он очень рассчитывал на то, что инопланетные крысы не умели передвигаться по вертикали. Капризная удача презрительно задрала носик – ветреная красотка любила смелых, но все же приняла игру, дав человеку немного форы.

Взобравшись повыше, Жека какое-то время развлекался,

беспечно расходуя заряд бластера. Он постреливал в зверей, самонадеянно прыгавших слишком высоко. Пару раз Жека умудрился попасть, скармливая подранков стае. Визг, чавканье, и крысы снова принимались водить хороводы вокруг валуна, пытаясь достать человека. Павлов с учением об условных рефлексах, наверное, нервно теребил бородку, если конечно в иных измерениях, куда Жека отправил тварей, не знакомых с исследованиями светила земной науки, он сохранил привычный людям облик.

Обнаружив, что аккумулятор оружия почти сел, Жека нашел другое занятие. Он корчил зверью страшные рожи, сыпал замысловатыми ругательствами, пару раз демонстративно помочился сверху, демонстрируя чудеса акробатики. Хищники оскорбленно фыркали, но не уходили. Твари понимали, что загнали добычу в ловушку, и деваться Жеке некуда.

Прошел день и наступила ночь. В небо медленно поднималось равнодушное желтое око луны. Зверье не расходилось, и Жека подозревал, что крысы незаметно подменяют друг друга на посту. Он им завидовал. Руки и ноги одеревенели, глаза слипались, а плеск и шелест воды, лобызавшей пляж, такой близкой, но столь же недостижимой, сводил с ума. Жеку мучила жажда. Она подавила чувство голода.

На рассвете Жека обнаружил, что сознание отказывается адекватно воспринимать реальность, подменяя ее галлюцинациями. Ему чудился челнок, спускающийся с небес, каюта,

оставленная в корабле на орбите. Крысы, терпеливо ожидавшие его падения, казались милыми котятами, жалобно мяукавшими у ног. Жека поймал себя на мысли, что хочет спуститься, чтобы приласкать и накормить бедняжек.

Светило поднималось над горизонтом, разгоняя редкие облака. Жека приложил бластер к виску. Перспектива быть сожранным заживо пугала больше самоубийства. Акт суицида прервался грозным рыком, донесшимся из джунглей. Крысиный хоровод распался, и в следующий миг твари стремительно разбежались.

Зверюга, вспугнувшая стаю, была крупнее «грызунов», хотя явно принадлежала смежной породе и едва ль отличалась от них окрасом. Выскочив из леса, она неспешно потрусила к валуну, не сводя с человека внимательных антрацитовых глаз. Жека прицелился, твердо решив, что перед тем, как покончит с собой, он отправит к Павлову нового хищника. Но тот явно не торопился полакомиться пришельцем. Он уселся на песок и завилял хвостом, став похожим на земного пса.

– Издеваешься? – Жека помотал головой, отгоняя морок. Однако зверюга не думала исчезать. Она улеглась на песок и тихо заскулила. В зарослях что-то зашевелилось. «Пес» поднял голову, нехотя рыкнул, а потом посмотрел на человека и вновь завилял хвостом.

Выставив перед собой бластер, Жека съехал с валуна и попятился к воде. Щупальца из глубины больше не появля-

лись, и он внушил себе, что подводный монстр не жалуется берегу. Жека обессилено опустился на колени и жадно хлебнул темную воду с ладони, не сводя глаз с грозы крыс. Несмотря на цвет, вода вполне годилась для питья, хоть и была слегка солоноватой. «Пес» сосредоточенно чесал за ухом. Как показалось, нарочито, наигранно, искоса поглядывая на человека. Потом сознание стало меркнуть. Перед тем, как дверь в реальность захлопнулась, Жека успел подумать, что не стоило пить из моря, породившего чудовище. Темные воды коварны.

В себя он пришел от странного ощущения. По лицу скользило что-то мокрое, теплое, шершавое и пахучее, словно кто-то водил старой плохо отжатой половой тряпкой. Жека закрылся рукой, неуверенно сел, обтерся рукавом и открыл глаза.

Он сидел на песке в тени сиреневых листьев туземной пальмы. Инопланетный пес издал серию звонких звуков, похожих на гудки, изображая то ли возбуждение, то ли радостный лай, и восторженно запрыгал вокруг, настойчиво порываясь облобызать человека. Поперек пляжа тянулась от моря заметная борозда. Пока Жека пребывал в беспомощности, пес оттащил его от воды. Не сожрал. Спас, получается. Чудеса!

Голова кружилась, во рту кислило металлом, и Жека с грустью глянул на океан. Пес, проследив за взглядом человека, озабоченно загудел и скрылся в зарослях. Жека обессиленно откинулся на спину. Зеленое небо у горизонта тем-

нело, сливаясь с черной поверхностью. Зашуршал песок и в поле зрения появился пес. В пасти зверя ядовито желтел неизвестный Жеке шарообразный плод. Пес аккуратно положил добычу перед человеком.

– Что это? – прошептал Жека. В горле саднило. Пес мордой подтолкнул плод к его руке и издал серию ободряющих гудков. Жека протянул руку и взял желтый шарик в руку. Плод подозрительно напоминал яблоко, обычное земное яблоко – гладкое, ладное, упоительно ароматное и чертовски аппетитное.

Ах, яблоко! Ни одному фрукту, известному человечеству, не уделялось столь многого внимания и не придавалось столь величайшего сакрального значения. Оно издревле играло в глазах человека особую роль, нередко символизируя судьбоносный выбор или коренной перелом. И пусть инопланетный пес не капли не напоминал ни Еву, ни Эриду, ни Гесперид и, уж конечно, Царя-воителя со Стивом Джобсом, нагло позаимствовавшего бренд из славянского фольклора, но сам факт... А, впрочем, терять ведь все равно нечего.

Жека жадно надкусил фрукт. Плод податливо брызнул прохладным соком, липкая и сладкая жидкость потекла по подбородку. По вкусу «яблоко» напоминало персик с земляничными нотками, но разве это имело какое-то значение? Мякоть волшебным образом таяла на языке, пробуждая немислимо яркий, детский восторг.

Фрукт действовал как энергетик, на удивление быстро

утолил жажду, а с ней и голод, и тощая пара, изгнанная из яви, теперь в бессильной злобе шипела из темного угла прошлого. Инопланетный плод позволил взглянуть на чужой мир с новой стороны. Жека протянул руку и почесал зверя за ухом. Тот довольно заурчал и лизнул человека в измазанную соком щеку.

На многих обитаемых мирах цивилизованные существа использовали труд прирученных животных, а где-то и менее развитых аборигенов. Человек всегда стремился переложить работу на другого. На планете (как ее там называли?) несомненно находились люди. Это вполне объясняло дружелюбие зверя к человеку, и их контакт явно не был случайным.

В сопровождении грозного охранника взбодрившийся Жека вступил в лес. Пес уверенно повел его невидимой тропой в направлении станции. «Крыс» и других плотоядных тварей по пути не встречалось, и Жека с сомнением косился на увесистую палку, подобранную у пляжа. Его спутник очевидно имел в местной фауне непререкаемый авторитет и без особых приключений вывел к цели через пару часов.

Если бы не четвероногий проводник, Жека вполне мог проскочить мимо. Станция не выглядела обитаемой. Сиреневые джунгли проели ограду, оплели выюнами вертикальные конструкции антенн, опутали стены, а кое-где проникли в помещения, вдавив внутрь хлипкие окна. Плотный ковер трав поглощал мощный пластиком плац, разгрызая материал по краям плит. Позволить чужой биологии хозяйничать

внутри периметра штатная охранная система станции могла, как было известно Жеке, только в одном случае: кто-то ее отключил. Кто-то, у кого был допуск.

Станции дальней связи рассыпаны по тысячам планет обитаемой галактики. Автономная охранная система беспрепятственно пропускала внутрь любого представителя разумного вида, поскольку время от времени то тут, то там к антеннам из инопланетных лесов, болот или пустынь выходил, выбирался или выползал незадачливый робинзон, алкавший спасения. Случай с Жекой вовсе не был уникальным. Так зачем кому-то понадобилось отключать защитный периметр?

Висела ватная тишина. Травяной настил гасил звук шагов и, казалось, поглощал любое движение – лап, ног, воздуха и самого времени, создавая ощущение несоразмерно большого аквариума, брошенного и забытого. Рыбки, обитавшие здесь, всплыли вверх брюхом и давно выплеснуты, оставшаяся вода зацвела и густо запахла брожением, обволакивая поверхности декораций, некогда украшавших дно.

Матовый куб рубки управления станцией призывно возвышался над остальными строениями. Он бы не поддавался натиску джунглей, но что-то заставило позорно капитулировать. Дверь настежь распахнута и заблокирована в этом положении. К раскрытому темному зеву обесточенной рубки вели ступеньки короткого металлического трапа, покрытые тонким лиловым пушком местной разновидности мха.

Клак-клак-клак – застучали ботинки по ступеням. Цок-цок-цок – отбил следом когтями спутник. Пес не отходил от Жеки ни на шаг, всюду совал нос, чем-то чавкал, возмущенно чихал и пытался заискивающе заглянуть в глаза, но человеку было не до него. Робинзон пытался судорожно вцепиться в ускользящую за горизонт событий надежду. Попусту.

Жека вышел на ступеньки и сел на порог, пытаясь унять сердце, панически бьющееся в конвульсиях. Тело, отреагировав на набат отчаяния, посылаемый мозгом, услужливо нашло спиной опору – дверной косяк. Осмотр комплекса связи не принес ничего, кроме депрессивного уныния. Подать сигнал бедствия, который бы достиг обитаемых планет, было невозможно. Местная флора прижилась в здании намертво, без огнемета не вытравишь. Кто-то или что-то прервало подачу питания на приемопередатчик. Основной источник энергии был, судя по всему, разрушен, а резервный аккумулятор варварски вырван из гнезда и, возможно, его постигла та же судьба.

Но пес зачем-то вел его сюда. Здесь должны были находиться люди. Люди!

– Эй, – крикнул он, озираясь по сторонам. – Э-ге-гей! Я здесь! Есть кто? Я потерпел аварию! Помогите!

Но никто и не думал отвечать. Жека обреченно вздохнул и решил осмотреть территорию станции.

За комплексом обнаружился штатный ангар – вытянутая стальная коробка на малый корабль. Она не подалась натиску

времени и чужих джунглей. Массивные ворота были наглухо задраены, но дверь рядом с ними оказалась незаперта.

Ангар был набит ящиками с вязью дальнего внеземелья. О содержимом оставалось бы догадываться, но часть коробов была грубо вскрыта. По плитам рассыпались разноцветные песчинки, источавшие кружащие голову запахи. Запрещенные специи, блажь богатых. За один такой ящик можно выторговать приличный челнок или орбитальный клипер.

Жека осторожно прикрыл дверь, чувствуя, как подгибаются колени. Станцией пользовались контрабандисты и они вряд ли будут рады незваному гостю, свалившемуся буквально на голову. Хитромордый пес, заманивший его сюда, испарился, и стоило последовать его примеру, пока четвероногий дружок не привел хозяев.

Жека нырнул в заросли, пытаясь сообразить, что предпринять. Пес найдет его по запаху, поэтому прятаться бессмысленно. Да и где? В джунглях с сиреневыми крысами? Их своре он предпочел бы и банду отъявленных мерзавцев. Если на станции кто-то был, то наверняка рассматривал отчаянного визитера в прицел. Подняв на всякий случай руки, Жека вышел на открытое пространство.

– Я – простой техник и не хочу проблем, – прокричал Жека. – Станция молчит, и меня прислали, чтобы устранить неисправность. Мне может потребоваться помощь. Я могу на нее рассчитывать?

Тишина. То, чего следовало бояться в любом случае. Же-

ка потоптался на месте с минуту и опустил руки. Лагерь покинут, сомнений нет, иначе в нем уже понаделали дырок. Если станция покинута, придется рассчитывать только на себя. Сколько времени может утечь, пока его хватятся?

За ангаром вцепился в грунт унитарный жилой блок – приплюснутый цилиндр кают-компания с тройкой прилепившихся индивидуальных коробок. Окна наглухо закрыты массивными ставнями, на стене криво и размашисто символы на интергалакто: «Я здесь! 923». У двери с кодовым замком лежал сиротливо ботинок, тяжелый ботинок на шнуровке приличного размера с металлическим носком. Потерять такой трудно.

Замок удовлетворенно проглотил оставленные неизвестным цифры и ободряюще пискнул. Жека толкнул дверь, и понял, что он первый за долгое время человек, зашедший в жилой блок. На широком столе, полках, шкафах лежала пыль, брошенная тарелка покрыта истлевшей плесенью. Рядом с ней покоился планшетный коммуникатор. Жека провел пальцами по прибору, и тот зажегся.

На экране возникло небритое, помятое лицо, хотя, что уж стесняться, справедливее было назвать ее харей. Коммуникатор не передавал запахи, но Жека был уверен, что человек дышал в камеру перегаром. Маслянистые мутные глазки скашивались к переносице. Толстые слюнявые губы кривились, торопливо выплевывая слова.

– Чертовщина здесь творится, мать ее! Нет времени долго

объяснять. Короче, пропало два человека, а вместе с ними и навигационный ключ. Ну и, да? Да?! Нет, роди меня обратно! Потому что нас всего трое! Было трое, а теперь один я остался. Один и без ключа! А я не хочу лететь до ближайшей обитаемой системы на досветовой скорости.

Говоривший опустил голову, словно устал говорить, тряхнул копной сальных волос.

– Намалевал тут на стене, думал: здесь буду сидеть до усера. Кто-то ведь должен прилететь, если станция замолчала. Тут-то я ключом и обзаведусь. А зашел, и идея в голову пришла. Придурки, поди, обкурились и зависли на временной стоянке. Мы на ней торчали, пока не убедились, что станция на хрен никому не сдалась. Слава автоматике! Так что я сейчас метнусь на временную стоянку. Обкурыши там, задницей чую, вместе с ключом. На кой он им сдался? Или боялись, что брошу? И рад бы, но сестра съест. Компаньоны, етить! Заберу, вернусь за грузом и стартанем! Ах да, если кто-то эту муть смотрит, значит я составил придуркам компанию.

Человек оглянулся, потом посмотрел в камеру, словно пытаясь заглянуть в душу тому, кто будет смотреть послание, и добавил: – Не жрите местных яблок!

Экран погас. Жека потерзал планшет, но больше сообщений в памяти коммуникатора не было. Отложив прибор, он с пристрастием обыскал жилой блок, знакомясь с нехитрыми увлечениями его бывших хозяев, явно приходившихся

друг другу родственниками – судя по снимкам, обнаруженным в одном из брошенных модулей. В другом обнаружилось несколько выделанных шкурок разного размера и расцветок, и обработанную в специальном растворе башку сиреневой крысы. Это объясняло неприязнь обитателей джунглей к человеку. Родственнички охотника проводили время иначе: судя по обнаруженной порнографии, курительным трубкам и завидному запасу сладкого печенья.

Вернувшись в кают-компанию, Жека пожевал печенье, запивая водой из найденной под столом бутылки. В другое время он, наверняка, поморщился бы от приторного вкуса, но сейчас голова была занята тревожными мыслями, разогнать которые не могла даже полная батарея для бластера, приятно отяжелившая карман. Жека нашел ее в модуле охотника. Жаль, батарею нельзя было подключить к станции. Треклятые производители никак не соглашались выпускать унифицированные источники питания, объясняя это защитой своих прав. Сунуть бы сюда мерзавцев, живо бы передумали.

Итак, где-то на планете есть корабль. Судно не покидало поверхность: контрабандисты вряд ли бы бросили груз специй. С владельцами корабля что-то случилось, и это вызывало двойственное чувство – облегчение и страх. За обнаружение запрещенного груза никто с него не спросит, и это не может не радовать. Однако контрабандисты были пусть и плохими, но людьми, и их исчезновение пугало. Кто знает, может их в отместку охотнику съели туземные крысы? И по-

чему оставивший сообщение говорил о яблоках?

Посидев еще немного, Жека понял, что напрасно теряет время и принял единственное на его взгляд верное решение: корабль необходимо найти. Без навигационного ключа он, конечно, не сможет осуществить прыжок к другой системе, да и не надо. На судне должен найтись элемент питания, который при должной сноровке и опыте можно подключить к станции и подать сигнал бедствия. Главное, посадить звездолет так, чтобы можно было протянуть к комплексу связи кабели.

Жека зарядил бластер и осторожно выглянул наружу. Станция была по-прежнему мертва, лишь у дверей блока лежал тот самый пес, как будто и не отлучался никуда. Зверь вскочил и заискивающе замахал хвостом.

– Где был? – Жека не скрывал подозрений. Но пес то ли не понимал, то ли делал вид, что не разбирается в инопланетных эмоциях. Четвероногий радостно запрыгал вокруг человека.

– Где ты был? – повторил Жека настойчивее. Пес моргнул, будто понял, чем интересуется пришелец, и потянул за штанину в заросли. Подавив смутные сомнения, Жека поддался, но на всякий случай снял бластер с предохранителя. Убедившись, что двуногий следует за ним, зверь отпустил рукав и потрусил в джунгли, не забывая оглядываться: не отстал ли спутник, обделенный дополнительной парой быстрых лап.

Через несколько минут перед ними открылась неболь-

шая лужайка, служившая стартовой площадкой стоявшему на ней приземистому кораблю. Оценив его размеры, Жека не смог сдержать разочарованного восклицания. Посадить его внутри периметра станции было невозможно. Значит, придется посетить стоянку с контрабандистами и треклятый навигационный ключ. Координаты временной базы, о которой упоминал один из троицы, наверняка сохранились в бортовом журнале корабля.

Мощные посадочные опоры судна уже пытались оплести местные выюны. Грузовой люк был распахнут, придавая кораблю сходство с огромной лягушкой, однако попасть внутрь звездолета флора не спешила. Подобравшись ближе, Жека понял, почему. По грузовому трапу из трюма медленно стекала на землю какая-то жидкость. Резко пахло аммиаком, заставлявшим голову кружиться.

В траве у спущенного трапа лежал обглоданный человеческий скелет. Череп отсутствовал. Жека в ужасе попятился назад и, натолкнувшись на пса, замершего за ним, сел. Зверь, выскользнув из-под человека, подбежал к скелету, с подозрением обнюхал и попробовал кость на зуб.

– Пшел! – Жека пнул бы пса, но тот, словно чувствуя, отпрыгнул в сторону. Осерчавший двуногий вскочил и нацелил на него оружие.

– Это ты?

Пес непонимающе посмотрел человеку в глаза.

– Да нет, – с сомнением сказал Жека и, помотав головой,

опустил бластер. – Наверняка не ты, иначе какого бы рожна ты меня сюда вел?

Пес радостно завил хвостом и подкупающе подсунул голову под руку, требуя ласки. Жека погладил зверя и с тоской взглянул на джунгли. Где-то там скрывались два контрабандиста, если, конечно, еще были живы.

Зажав нос, Жека ступил в трюм, не сообразив, что вторгается на охраняемую территорию. Согласно устоявшимся правилам, автономные системы корабля должны пресекать любые попытки проникновения на борт любых форм жизни кроме допущенных экипажем. Однако судно беспрепятственно пустило его внутрь, и он не сразу понял, что звездолет принудительно погружен в летаргический сон, а осознал это, когда толкнул люк, отсекающий трюм от других отсеков. Сдвигать тяжелую створку ему пришлось без помощи автоматики. Пес, возмущенно чихающий от едкого аммиачного запаха, нетерпеливо перебирал лапами у ног.

Добравшись до мостика, Жека занял капитанское кресло и активировал системы корабля, с облегчением взирая, как загораются огоньки на пульте управления. По судну пронесся глухой гул – автоматика звездолета продувала внутренние помещения и, вероятно, закрывала трюм. Бортовой журнал светился ссылкой на последнюю запись с координатами временного лагеря хозяев специй. Жека ввел их в автопилот.

Корабль медленно поднялся в воздух и двинулся в заданном направлении. Жека смотрел, как проносятся внизу чу-

жой лес и насвистывал какую-то веселую мелодию, забыв о присутствии пса. Зверь сидел позади, внимательно наблюдая за человеком. Он больше не вилял хвостом, изображая собачью преданность. Если бы двуногий умел читать мысли, то ужаснулся бы, заглянув за непроницаемый щит антрацитовых глаз.

Су сомневался, что третий Хмо безрассудно сунет свою драгоценную голову в ловушку, уж больно пугливым был. Но двулапый принял в дар плод с древа доверия, чем лишил себя инстинкта самосохранения. Да и откуда б Хмо знать, что браконьеры из клана Су используют для приманки зверей, обитающих в угодьях сюзерена.

Хмо направил небесную лодку в направлении места, которое его сородичи называли смешным словом «стоянка». Су хорошо запомнил это сочетание звуков, хоть и не мог его произнести, уж больно чуждым оно было, как, собственно, и язык чудных зверей. Хмо – явно моложе трех предыдущих – не догадывался, что не найдет на «стоянке» блестящую штучку, за которую сложил голову Хмо, наивно отдавший на съедение джунглям место, где долго действовали чары небесных лодок. Блестящую штучку браконьер давно спрятал в другом месте и поднесет ее в дар сюзерену – после того, как советник выхлопочет Су благородное сословие. Он преподнесет сюзерену настоящую небесную лодку!

Фигли под горой

Ночь, улица, фонарь, аптека ¹. Нет, это описание никак не подходило к тому, что виделось на самом деле. А было так: яркий безоблачный день, над стартовой площадкой ни облачка, городские проспекты набиты ликующей толпой, ожидающей грандиозного события, а предместья – военщиной, на случай массовых беспорядков.

В центре площадки стоял твердо темный цилиндр. Над ним висел чуть криво громадный транспарант со все объясняющей информацией: «Первому межзвездному прыжку – ура!». И чуть ниже – «Слава первопроходцу!». Люди на улицах смотрели на гигантские экраны, по которым бежали в обратном порядке громадные цифры. Три, два, один!

Суровый человек в черном костюме ударил по кнопке пуска. Картинка чуть смазалась – на едва уловимый миг. Диафрагма люка распахнулась, и перед тысячами объективов появилась фигура героя, совершившего прыжок к чужой звезде и обратно. Мужественное лицо его выражало озабоченность, а правая рука ощупывала запястье на левой. Потом первый межзвездный путешественник плюнул в сердцах и молвил:

– Часы спер! Пакостный гном!

¹ Александр Блок, «Ночь, улица, фонарь, аптека...», 1912.

Совсем не то, что требовалось в исторический момент.

Сто пятьдесят тысяч условных лет или пять реальных секунд назад корабль с подготовленным добровольцем на борту отправился в далекое путешествие за двадцать пять килопарсек, к планете, которая, по расчетам умнейших ученых, полностью соответствовала Земле. Для освоенной старушки это стало бы спасением. Человечество приумножилось и обросло солидным брюшком бытовых потребностей, а точнее – ожирело в непотребстве.

Чудо-корабль, искривляющий пространство-время, мгновенно доставил первопроходца на искомую планету. Для первого раза отводилось всего пятнадцать условных минут. Четверти часа вполне достаточно, чтобы, пока автоматика собирает пробы, получить первые впечатления. А первые впечатления, как известно, очень важны, даже если вы приобрели их на скучном обеде с бабушкиными подругами. По истечению отведенного программой времени корабль должен был материализоваться в исходной пространственно-временной точке с небольшим сдвигом в несколько микронов-микросекунд.

Доброволец носил совсем не геройскую фамилию Мытарь, жизнь вел неприметную, но физически правильную: вовремя ел, умеренно пил и хорошо спал. Перед полетом он стойко и без вопросов подписал завещание и кипу бумаг, в которых отказывался от претензий в адрес адмиралтейства, администрации и других бюрократических структур. Подвиг

совершают не ради привилегий.

Мытарь ступил на терру инкогнита с уверенностью колониста, снял шлем, стянул перчатки и немного припустил молнию комбинезона, поддавшись очарованию прохладного ветерка. Небо земной копии было поразительно синим, воздух – удивительно чистым, зелень – изумительно зеленой. Цилиндр припланетился на аккуратном лугу у ухоженной высокой горы, примяв цветы и распугав сусликов в округе. Пахло полевыми травами и горячим металлом. Доброволец оглянулся на корабль и рефлекторно поморщился. Место посадки выглядело так, будто чья-то гигантская рука вбила уродливую болванку в клумбу перед загородным домом. Первое впечатление было таким, и оно не было обманчивым.

Перед кораблем и, собственно, Мытарем возник вдруг коренастый мужичок с метр в холке. Голову аборигена венчал массивный шишак с червлением, синий бархатный кафтан подпоясывал кушак с огромной узорной застежкой, на ногах атели сапожки с кованными носками. Длинная борода – заплетена в красивые косицы. В руке туземца грозно блеснул огромный боевой топор.

Мытарь осторожно положил руку на кобуру. На копии родной планеты было бы странно не встретить вполне человекоподобных аборигенов. В инструкции, полученной еще на Земле, предписывалось ни в коем случае не демонстрировать контактерам силу и предпринимать какие-либо действия, которые можно трактовать как намек на агрессию,

но Мытарь слишком хорошо разбирался в землянах, чтобы ждать от их копий чего-то, простите за тавтологию, хорошо-го.

Мужичок выпустил топор из рук и, обозначив в густой бороде распахнутую пасть, схватился за голову. Мытарь перевел дух и приветственно открыл рот, но подать в него нагретый легкими воздух не успел. Первым заговорил абориген. Да как заговорил!

– Пожаловал-таки, гость незванный, – забасил туземец на вполне Мытарю понятном языке и хлопнул по ноге, на которую присел микродрон, собиравший образцы для изучения. – Ждали, ага! А как же? Ждали! Не верили, правда, но вот тебе – факт! Прибытие первого человека, фиг ли! Конец нашей эпохи! Что ж теперь, пора двигать на Запад?

– Здравствуй, житель планеты, – торжественно сказал Мытарь. Поиск объяснений удивительного лингвистического феномена он отложил на потом. – Я...

– Ну, надо же, – мужичок с недовольной миной нарезал круг с Мытарем в эпицентре. – Нет, ну надо же! Именно на мой участок и именно в этот день! Ну, проклятая старуха! Напророчила! Ну, я уж тебе накую! Вечность благодарить будешь.

– Старуха? – недоуменно переспросил Мытарь.

– Она самая, – кивнул мужичок. – Выглядит, конечно, недурно, как и пристало королеве эльфов, но живет не первое тысячелетие, а я такой: я за правду! В девушках милле-

ниумами не задерживаются. Колье вот заказала по случаю прибытия первого человека. Я его тысячу дней ковал, тысячу горных троллей на горнах загнал, тысячей каменьев украсил, а она? Фыркнула, не понравилось! Нет, говорит, изюминки! Фиг ли? Совсем из ума выжила! Укрась, говорит, колье тем, чего еще нет. А чего еще нет? Чего такого в мире еще нет, что нельзя...

Гном с интересом покосился на массивное обручальное кольцо гостя. Мытарь, заметив взгляд, скрестил руки, неосторожно сверкнув именным золотым хронометром с автозаводом, турбийоном и девятнадцатью бриллиантами – подарком бесстрашному добровольцу от мирового сообщества.

– Здравствуй, житель, – Мытарь вновь предпринял жалкую попытку установить с аборигеном дипломатический контакт.

– Да, здрасте, здра-сте! – тот закатил глаза. Борода его раздраженно дрожала. – Кто тебя вообще звал сюда? Возникают тут всякие!

– Мы...

– Сегодня один приперся, завтра – второй, послезавтра вы начнете переделывать тут все под себя, – топнул в негодование туземец. – Все портите, к чему не прикоснетесь. Слышал я про вашу породу! Провидцы нарасказывали! Орки вы самые настоящие, хоть и моетесь чаще. Орки! А вы их еще неандертальцами обзываете! Нет, взаправду старуха го-

ворила: держаться от вас необходимо подальше!

– Мы – цивилизованные люди, любезнейший, – вспыхнул Мытарь.

– Сменили бы пластинку, что ли?

– Я – землянин! – выпалил Мытарь.

– А я? Зеленый с хоботком и с альфы Центавра? Обычный гном, не видишь что ли? Кличут Фигли. Такой же землянин, как ты, и имею на это право по праву рождения. Понял?

– Гном? – мозг Мытаря отчаялся переварить поступающую информацию и зацепился за более близкое его мироощущениям. – Землянин? Этого не может быть! Между нашими планетами семьдесят пять тысяч световых лет!

– Расстояния не существует, – поучительно сказал гном. – Есть только время, а уж оно отчебучивает умопомрачительные штуки.

– Следует полагать, – неопределенно ответил Мытарь. Плащом загадочности он укрыл полную растерянность.

– Вот ты думаешь, что пересек семьдесят пять тысяч световых лет, да? – басил гном. – Бред! На самом деле, ты переместился во времени. На 75 тысяч лет назад. Втыкаешь?

– Нет, – честно признался Мытарь. – Мы же сейчас с тобой перемещаемся в пространстве.

– Ой, дундук, – протянул гном и постучал по лбу Мытаря. – Мы с тобой от нечего делать болтаемся во времени и через пару минут, если ничего не случится, окажемся у меня в чертогах. А случиться, брат, может всякое. Время – штука

удивительная. Никогда не знаешь, что встретишь через секунду!

– Я...

– Досадливое недоразумение, – перебил его гном и, подхватив под локоть, потянул от корабля. – Недоразумение, отнимающее драгоценное время и испортившее любимую клумбу! Ты меня пойми правильно. Я – мужчина серьезный. Время – деньги, а твое присутствие ничего, кроме убытков, не несет. Если бы не ты, я б колье доделал, а придется с тобой возиться, оформлять, как положено.

По земле пролетела стремительная тень. Мытарь поднял голову и увидел дракона, пролетающего неспешно мимо. Ящер подмигнул человеку, выпустил язычок пламени и, взмахнув пару раз гигантскими крыльями, скрылся за склоном горы.

– Вы кто такой вообще? – в черепной коробке Мытаря буйствовал диссонанс.

– Я тут вроде таможни. Изымаю драгоценные металлы и ювелирные изделия. Ввоз украшений у нас запрещен. Мы защищаем свои рынки!

– А...

– А за визы отвечает другой.

– Я – представитель цивилизованной Земли и таможенный досмотр проходить не собираюсь, – Мытарь остановился и глянул на стрелки хронометра. – Более того, уже собираюсь обратно.

– Что за диковинный механизм? – спросил гном. Кончик его носа задергался, чуя драгоценный металл и каменья. – Тонкаяковка.

– Часы, – ответил Мытарь. – Точный механический прибор для измерения времени.

– Как можно измерить то, что не охватишь, – с деланным недоверием хмыкнул гном и, схватив Мытаря за руку, потянул к горе. – Люди! Понавыдумали всякой чуши! Чтобы понять время, нужно им управлять, а не дрейфовать по его течению.

Мытарь с трудом вырвал руку из цепких лап гнома и развернулся к кораблю.

– Куда?! – закричал гном. – Чертоги в другой стороне!

– Мне нужно вернуться на корабль, – бросил через плечо Мытарь, отчаявшись завязать цивилизованный диалог. – Моя миссия закончена, я возвращаюсь домой!

– Так что ж ты сразу не сказал? – воскликнул гном и хлопнул в ладоши. – Это меняет дело. Я тебя не видел, ты меня, никого тут не было! Все забыли! Больше не нарушай!

Гном ловко развернул Мытаря лицом к кораблю и подтолкнул в спину.

– Давай, давай, а то на обратный рейс не успеешь.

– Подожди-ка, – сказал Мытарь, задумчиво переставляя ноги. – Ты утверждаешь, что я переместился не в пространстве, а во времени. Но в своем настоящем я гору не видел. Куда она делась?

– Гора-то? – пыхтел гном, подталкивая человека. – Снесли, наверное, за семьдесят пять тысячелетий. Но мне то что? Я не в горе, а под горой обитаю. Шикарные апартаменты, скажу я тебе. Прохладный воздух, природное кондиционирование. Ну, бывай!

Гном запихнул человека в корабль и стер пот с лица. Прежде чем диафрагма люка стянулась, Мытарь успел крикнуть ему: – Сделай одолжение, милейший Фигли! Оставь знак понятный, чтобы я в будущем прочесть смог!

– Сделаю, фиг ли!

Семьдесят пять тысяч лет и пару недель спустя почти недалеко от стартовой площадки строители случайно вскроют искусственный каменный мешок. На одной из стен рукотворной пещерки сохранится фреска, на которой низкорослый бородатый кузнец подносит древней царице колье с непонятным дискообразным элементом посередине. Первопроходец Мытарь будет утверждать, что диск ничто иное, как его утерянный именной хронометр, но мудрое научное сообщество решит, что тот во время сверхдальнего полета подвергся воздействию неизвестного фактора и лишился рассудка. Ведь место гномам с эльфами в сказках, а последующие экспедиции их следов на Земле-2 не обнаружили.

Мытарь уйдет в почетную отставку. Он станет затворником, будет сидеть дома и иногда по ночам смотреть в окно. Если б кто-то спросил его, о чем он думает в этот момент, он бы ответил, что жалеет. Он искренне и горячо жалеет, что

не успел спросить у проклятого гнома, где находится Запад.

*Александр Блок, «Ночь, улица, фонарь, аптека...», 1912.

Дубина

Йо-Йа мрачно взирал на открывшийся пейзаж. Вдалеке таяли в дымке ржавые скелеты гигантских конструкций. Земля, будто перепаханная исполинским плугом, убегала глубокими оврагами за горизонт. Йо-Йа стало страшно. Но возвращаться назад было еще страшней. И этот страх уже двое суток гнал его вперед – туда, откуда неделю назад вернулся треклятый циклоп.

Циклопа в поселении не любили за нечеловеческое любопытство. Желание за всеми подсмотреть компенсировало ему отсутствие одного глаза. За страсть к подглядыванию Кривого Ыща произвели в разведчики, и часто под любым благовидным предлогом выгоняли за частокол – к мутантам, варварам или конкурирующим поселениям.

Когда Кривой Ыщ пропал на три дня, никто о нем даже не вспоминал. Нет его, и ладно. Но неугомонный циклоп вернулся и бросился в дэка – так в поселении называли длинный сарай, крытый шкурами крысокотов. Одноглазый смутно припомнил, что дэка означает дом культуры. Но что за штука эта "культура", в поселении уже не мог объяснить даже шаман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.